

Геракл / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Геракл / рассказ ГЕРАКЛ

На скамейке летнего сада «Тиволи» сидело несколько человек...

Один из них, борец-тяжеловес Костя Махаев, тихо плакал, размазывая красным кулаком по одеревенелому лицу обильные слезы, а остальные, его товарищи, с молчаливым участием смотрели на него и шумно вздыхали.

– За что?.. – говорил Костя, как медведь качая головой. – Боже ж мой... Что я ему такого сделал? А?.. «Тезей! Геракл»!..

Подошел член семьи «братья Джакобс – партерные акробаты». Нахмурился.

– Э... Гм... Чего он плачет?

– Обидели его, – сказал Христич, чемпион Сербии и победитель какого-то знаменитого Магомета-Оглы. – Борьбовый репортер обидел его. Вот кто.

– Выругал, что ли?

– Еще как! – оживился худой, пренесчастливого вида борец Муколяйнен. – Покажи ему, Костя.

Костя безнадежно отмахнулся рукой и, опустив голову, принялся рассматривать песок под ногами с таким видом, который ясно показывал, что для Кости никогда уже не наступят светлые дни, что Костя унижен и втоптан в грязь окончательно и что праздные утешения друзей ему не помогут.

– Как же он тебя выругал?

Костя поднял налитые кровью глаза.

– Тезеем назвал. Это он позавчера... А вчера такую штуку преподнес: «сибиряк, говорит, Махаев борется, как настоящий Геракл».

– Наплюй, – посоветовал член семейства Джакобс. – Стоит обращать внимание!

– Да... наплюй. У меня мать-старушка в Красноярске. Сестра три класса окончила. Какой я ему Геракл?!

– Геракл... – задумчиво прошептал Муколяйнен. – Тезей – еще так-

сяк, а Геракл, действительно.

– Да ты знаешь, что такое Геракл? – спросил осторожный победитель Магомета-Оглы.

– Черт его знает. Спрашиваю у арбитра, а он смеется. Чистое наказание!..

– А ты подойди к репортеру вечером, спроси – за что?

– И спрошу. Сегодня еще подожду, а завтра прямо подойду и спрошу.

– Тут и спрашивать нечего. Ясное дело – дать ему надо. Заткни ему глотку пятью целковыми и конец. Ясное дело – содрать человек хочет.

Костя приободрился.

– А пяти целковых довольно? Я дам и десять, только не пиши обо мне. Я человек рабочий, а ты надо мной издеваешься. Зачем?

Он схватился за голову и простонал, вспомнив все перенесенные обиды:

– Господи! За что? Что я кому сделал?!

Лица всех были серьезны, сосредоточены. Около них искренно, неподдельно страдал живой человек, и огрубевшие сердца сжимались жалостью и болью за ближнего своего.

Был поздний вечер.

По уединенной аллее сада ходил, мечтательно глядя на небо, спортивный рецензент Заскакалов и делал вид, что ему все равно: позовет его директор чемпионата ужинать или нет?

А ему было не все равно.

Из-за кустов вылезла массивная фигура тяжеловеса Кости Махаева и приблизилась к рецензенту.

– Господин Заскакалов, – смущенно спросил Костя, покашливая и ненатурально отдуваясь. – Вы не потеряли сейчас десять рублей? Не обронили на дорожке?

– Кажется, нет. А что?

– Вот я нашел их. Вероятно, ваши. Получите...

– Да это двадцатипятирублевка!

– Ну что ж... А вы мне дайте пятнадцать рублей сдачи – так оно и выйдет.

Заскакалов снисходительно улыбнулся, вынул из кошелька сдачу, бумажку сунул в жилетный карман и снова зашагал, пытливо

смотря в небо.

– Так я могу быть в надежде? – причесав в кустах, крикнул застенчивый Костя.

– Будьте покойны!

Прошла ночь, наступил день. Ночь Костя проспал хорошо (первая ночь за трое суток), а утро принесло Косте ужас, мрак и отчаяние.

В газете было про него написано буквально следующее:

«Самой интересной оказалась борьба этого древнегреческого Антиноя – Махаева с пещерным венгром Огай. В искрометной схватке сошелся Махаев, достойный, по своей внешности, резца Праксителя, и тяжелый железный венгр. Как клубок пантер, катались оба они по сцене, пока на двадцатой минуте страшный Геракл не припечатал пещерного венгра».

Опять днем собрались в саду, на той же самой скамейке, и обсуждали создавшееся невыносимое положение...

Ясно было, что грубый, наглый репортер ведет самую циничную кампанию против безобидного Кости Махаева, и весь вопрос только в том – с какой целью?

Сначала решили, что репортера подкупили борцы другого, конкурирующего чемпионата. Потом пришли к убеждению, что у репортера есть свой человек на место Кости, и он хочет так или иначе, но выжить Костю из чемпионата.

Спорили и волновались, а Костя сидел, устремив остановившийся, страдальческий взгляд на толстый древесный ствол, и шептал бледными, искривленными обидой губами:

– Геракл... Так, так. Антиной! Дождался. «Достойный резца»... Ну, что ж – режь, если тебе позволят. Ешь меня с хлебом!.. пей мою кровь, скорпиён проклятый!

Костя заплакал.

Все, свесив большие, тяжелые головы, угрюмо смотрели в землю, и только толстые, красные пальцы шевелились угрожающе, да из широких мясистых грудей вылетало хриплое, сосредоточенное дыхание...

– Антиноем назвал! – крикнул Костя и сжал руками голову. – Лучше бы ты меня палкой по голове треснул...

– Ты поговори с ним по душам, – посоветовал чухонец. – Чего

там!

– Рассобачились они очень, – проворчал поляк Быльский. – Вчера негра назвал эбеновым деревом, на прошлой неделе про него те написал: сын Тимбукту... Спроси – трогал его негр, что ли?

– Негру хорошо, – стиснув зубы, заметил Костя, – он по-русски не понимает. А я прекрасно понимаю, братец ты мой!..

Долго сидели, растерянные, мрачные, как звери, загнанные в угол.

Думали все: и десятипудовые тяжеловесы, и худые, изможденные жизнью, легковесы.

Жалко было товарища. И каждый сознавал, что завтра с ним может случиться то же самое.

II.

Вечером Костя опять выследил спортивного рецензента и, когда тот всматривался в неразгаданное небо, заговорил с ним.

– Слушайте, – сосредоточенно сказал Костя, беря рецензента за плечо. – Это с вашей стороны нехорошо.

Рецензент поморщился.

– Что еще? Мало вам разве? – спросил он. Кровь бросилась в лицо Косте.

– А-а... ты вот как разговариваешь?! А это ты видел? Как это тебе покажется?

Вещь, относительно которой спрашивали рецензентова мнения, была большим жилистым кулаком, колеблющимся на близком от его лица расстоянии.

Рецензент с криком испуга отскочил, а Костя зловеще рассмеялся.

– Это тебе, брат, не Тезей!!

– Да, господи, – насильственно улыбнулся рецензент. – Будьте покойны!.. Постараюсь.

И они разошлись...

Разошлись, не поняв друг друга. Широкая пропасть разделяла их.

Снаружи рецензент не показал виду, что особенно испугался Кости, но внутри сердце его похолодело...

Идя домой, он думал:

«Ишь, медведь косолапый. Дал десятку и Антиноя ему мало. Чем же тебя еще назвать? Зевсом, что ли? Попробуй-ка сам написать...»

И было ему обидно, что его изящный стиль, блестящие образы и сравнения тратятся на толстых, неуклюжих людей, ползающих по ковру и не ценящих его труда. И душа болела.

Была она нежная, меланхолическая, полная радостного трепета перед красотой мира.

В глубине души рецензент Заскакалов побаивался страшного, массивного Кости Махаева и поэтому решил в сегодняшней рецензии превзойти самого себя.

После долгого обдумывания написал о Косте так:

«Это было грандиозное зрелище... Мощный Махаев, будто сам Зевс борьбы, сошедший с Олимпа потягаться силой с человеком, нашел противника в лице бронзового сына священного Ганга, отпрыска браминов, Мохута. Ягуар Махаев с пластичными жестами Гермеса напал на терракотового противника и, конечно, – Гермес победил! Не потому ли, что Гермес лицом – Махаев, в борьбе делается легендарным Гераклом? Мы сидели и, глядя на Махаева, – думали: и такое тело не иссечь? Фидий, где ты со своим резцом?»

Вечером Заскакалов пришел в сад и, просмотрев борьбу, снова отправился в уединенную аллею, довольный собой, своим протеже Махаевым и перспективой будущего директорского ужина.....

Быстрыми шагами приблизился к нему Махаев, протянул руку и – не успел рецензент опомниться, как уже лежал на земле, ощущая в спине и левом ухе сильную боль.

Махаев выругался, ткнул ногой лежащего рецензента и ушел. Рецензентово сердце облилось кровью.

«А-а, – подумал он. – Дерешься?.. Хорошо-с. Я, брат, не уступлю! Не запугаешь. Тебе же хуже!.. Теперь ни слова не напишу о тебе. Будешь знать!»

На другой день появилась рецензия о борьбе, и в том месте, где она касалась борьбы Махаева с Муколяйненом, дело ограничилось очень сухими скупыми словами:

«Второй парой боролись Махаев с Муколяйненом. После

двадцатиминутной борьбы победил первый приемом «обратный пояс».

Махаева чувствовали.

Он сидел в пивной «Медведь», покрасневшийся, оживленный и с худоскрытым хвастовством говорил товарищам:

– Я знаю, как поступать с ихним братом. Уж вы мне поверьте! Ни деньгами, ни словами их не проймешь... А вот как дать такому в ухо – он сразу станет шелковый. Заметьте это себе, ребята!

– С башкой парняга, – похвалил искренний серб Христич и поцеловал оживленного Костю.

Аверченко Аркадий Тимофеевич. Рассказы. Сост. П.Горелов. – М.: Молодая гвардия, 1990 Некаýalar